

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

I

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

ОДЕЖДА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Изучение истории костюма важно для историка и этнографа в трех отношениях:

- а) Костюм, как правило, отражает социальные различия и социально-экономическое неравенство в данном обществе.
- б) Различные формы одежды тесно связаны с приспособлением ее к трудовым процессам.
- в) Национальный костюм является показателем этнической принадлежности, а также отражает специфику культуры и художественный вкус народа.

Данное сообщение ограничивается рассмотрением истории одежды трех народов, достигших высокого культурного развития незадолго до монгольского нашествия: уйгуров Турфанского оазиса, киданей и тангутов. Все три народа были в свое время тесно связаны между собой, что не могло не отразиться на развитии их материальной культуры, в частности, одежды. Близкие территориально, они, помимо влияния друг на друга, испытывали сильное влияние со стороны одних и тех же соседних государств с более древней и высокой культурой (см. ниже). Материалом служат дошедшие до нас изображения — фрески и картины.

Географическое положение Восточного Туркестана на древних караванных путях создало благоприятные условия для возникновения международных контактов, результатом которых явилось иноземное влияние на культуру и, в частности, на форму одежды народов Центральной Азии. У интересующих нас народов можно проследить китайское и иранское влияние.

Поскольку названные народы создали общество с ярко выраженным классовым делением, представляется целесообразным рассмотреть их национальную одежду в порядке социальной иерархии.

Простой народ менее других социальных групп подвергался влиянию извне. Кочевники, составлявшие значительную часть населения всех трех государств, носили одежду, удобную для верховой езды — широкие штаны, заправленные в сапоги с высокими голенищами, короткую рубаху и войлочную или меховую шапку.

В некоторых случаях мы видим на их изображениях не рубаху, а короткий халат или кафтан, подпоясанный узким поясом. Персо-

наки, одетые в такой костюм, встречаются среди уйгурских деревянных статуэток в Центральноазиатской коллекции Эрмитажа, а также среди донаторов на тангутских иконах, обнаруженных в Хара-хото. На одной из них - широко известной иконе Гуань-инь - слуги, сопровождающие знатного тангута-жертвователя, одеты в описанный выше костюм, с той разницей, что сапоги изображенных людей по-видимому войлочные, в отличие от кожаных сапог уйгуров, знатных тангутов и киданей. На одном из немногих сохранившихся изображений киданей мы видим ту же одежду - короткие кафтаны и широкие шаровары, заправленные в черные (кожаные) сапоги.

Зимой к этому костюму присоединялась верхняя меховая одежда. Этот костюм мы видим на картине сунского художника Чжао Бо-су "Возвращение с охоты".

Одежда горожан и земледельцев мало отличалась от одежды козачников. Иногда вместо сапог употреблялись туфли и гетры.

Персонажи в таких костюмах фигурируют на фреске из Могаоку (монастырь в провинции Ганьсу, поблизости от Дуньхуана), изображающей тангутских чиновников со свитой. Зажиточные горожане - тангуты носили длинные халаты с узкими рукавами и узконосые сапоги. Если верить китайским источникам и иконографическому материалу, халаты богатых горожан были зеленого цвета. Изображения уйгурских и киданьских горожан до нас не дошли.

Представители знати всех трех народов тяготели к иноземной роскоши. На уйгурских фресках и рисунках мы видим пышные одеяния придворных, близкие к китайской и отчасти иранской одежде. Хотя уйгуры в известной степени были учителями тангутов во многих областях культуры, в одежде тангутской знати более прослеживается влияние Китая. То же можно сказать о киданях. Можно предположить, что высокая шапка с рубчатым верхом, часто встречающаяся на изображениях высших чиновников, была заимствована из Китая. Этот головной убор с незначительными изменениями фигурирует даже на манихейских фресках.

Следует отметить, что роскошные одежды китайского типа в тангутском государстве носили лишь высшее чиновничество и придворные. Костюм чиновников низшего ранга был прост и скромен - длинные халаты с узкими рукавами, остроносые сапоги, головная повязка для гражданских чинов и шлем для военных. Мы видим это форменное платье на упоминавшейся выше фреске из Могаоку, а

также на двух гравюрах из тангутской коллекции ЛО ИВ АН СССР.

Следует особо отметить широкие прямые мечи – может быть, те самые тангутские мечи, которые так ценились соседними народами.

Особую группу представляют доспехи воинов. На уйгурских фресках встречается большей частью панцирь, близкий к иранскому доспеху. Однако на некоторых рисунках мы видим пластинчатый доспех. Такой же вид вооружения мы встречаем у тангутов. Может быть, такой доспех, закрывавший все тело, служит защитой для воинов знаменитый тангутской конницы – "железных коршунов". Китайский шлем с наатыльником чаще встречается у тангутских воинов, в то время как для уйгуров характерен остроконечный шпашак, иногда с забралом в форме колоколособразной маски с прорезью для глаз. Вооружение киданей, если верить китайским источникам, было довольно сложным и походило на тангутское.

Одежда духовенства во всех странах, где господствовал буддизм, была примерно одинаковой. На уйгурских фресках Турфанского оазиса и на тангутских иконах и гравюрах мы видим фигуры монахов в одинаковых, так называемых "лоскутных" рясах. Эти вполне реалистические изображения (иногда даже с элементами портретности) можно противопоставить стилизованному образу монаха в плотно облегающей тело одежде, с волосами, трактованными в виде сплошной массы. Этот образ, явно заимствованный из Индии и встречающийся в искусстве интересующих нас народов, определенно не соответствует реальному облику буддийских монахов Центральной Азии накануне монгольского нашествия.

На изображениях киданей и тангутов можно видеть интересную прическу – две косы на висках и валик волос надо лбом. Остальная часть головы выбрита. По-видимому, это и есть прическа "туфа", упоминаемая в китайских источниках. В государстве тангутов указом ЮЗЗ г. "туфа" предписывалось носить всему мужскому населению. Однако, и на тангутских, и на киданьских рисунках мы видим эту прическу главным образом у слуг. Чиновники и знать изображаются в шапках, так что судить о их прическе трудно. Примером того, как правящие классы могли носить иную прическу, чем подданные, служит Куча. В источниках говорится: "/жители Кучи/ стригут волосы, чтобы выравнять/?/ макушку. Один государь не стрижет волос". Нечто похожее на эту прическу можно проследить и у уйгуров. На некоторых уйгурских фресках встречаются персонажи,

у которых с висков свисают длинные пряди или косицы.

Изучение истории костюма обитателей Центральной Азии свидетельствует о их сложной социальной иерархии и международных контактах. Дальнейшие исследования, вероятно, пополнят наши знания в этих областях.

Э.Н.Тёмкин

О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА "PRATIBHĀ" В ТРАКТАТЕ БХАМАХИ "KĀVYĀLĀKĀVA"

Слово "pratibhā" встречается у Бхамахи только в пятой карике первой главы, в общем контексте 3-10 карик, в которых говорится о роли и значении знаний и дарования писателя в литературно-художественном творчестве.

У Бхамахи сказано:

"guru-upadeśād adhyetum śāstram jada-dhīyo'py-alam
kāvyam tu jāyate jātu kasyacit pratibhāvataḥ", т.е.
"Даже /те/, у кого неворотлив разум, вполне /могут/,
повторяя за учителем, выучить наизусть трактат /об
искусстве словесности/¹. Однако, создать /произведение/
словесного искусства² может лишь /тот/, чей /разум/
обладает /таким свойством/, как pratibhā"³.

Что же это за свойство? И что значит слово "pratibhā", определения которому Бхамаха в своем трактате, самом раннем из дошедших до нас текстов по теории литературы, не дает? Комментария на трактат Бхамахи, как известно, не существует. Позднейшие авторы данную карикку не цитируют и толкования не подвергают.

С.К.Де, крупнейший исследователь санскритской поэтики, предлагает толковать "pratibhā" у Бхамахи как "poetic conception" или "conception of the poet"⁴. Другой выдающийся знаток и исследователь аланкарашастры П.В.Кане считает более корректным переводить это слово как "(inborn) creative faculty"⁵. Ему следуют переводчики трактата Бхамахи П.В.Н.Састри и Ч.С.Р.Састри⁶.

Толкование С.К.Де можно рассматривать всего лишь как интерес-